

Галина Уланова

29.04.98

Галина Уланова:

Одиночество

Женс. правда. - 1998. - 29 апреля. - с. 6

В прошлом году не раз звонила Галине Сергеевне. Хотела снять ее в телепрограмме «Время «Ч». Говорили подолгу. Она отказывалась сниматься, но предлагала перезвонить - через день, через два, через неделю. Не сразу догадалась записывать эти разговоры - потом догадалась

... Ну о чем вы будете меня спрашивать?

- О вас.

- Это неинтересно.

- О папе с мамой, о детстве.

- Какое было детство - страшная бедность. Я росла сорванцом. Ждала мальчика. Я была, как мальчик. Я хотела быть моряком. А потом одиночество, замкнутость. Я не хотела учиться балету. Для меня это были драматические годы. Мама заставила. К счастью.

- Вы боитесь, что я...

- Я ничего не боюсь, Оля. Яхожу на байдарку. Плаваю одна. Ядвигаюсь. Я изучаю человеческие движения и хочу об этом написать книгу.

Человек начинает идти - как он ставит ногу? Не всю же ступню, как медведь! В балете неестественные движения. Надо превратить их в естественные. Иначе молодые балерины растягивают мышцы, потому что рывают. Но я не могу написать книгу. Я разучилась писать. Я не помню алфавита. Я могу написать только свою фамилию. никаких писем не пишу. Дневников не веду. Есть только одна записная книжка, знаете, в клеточку, как тетрадь по арифметике, и она заполнена наполовину. Там такие записи: в таком-то году кончила школу, в таком-то приняла в театр, дали роль... Я устала. Я слишком много отдавала нутра.

- Вы отдавали душу в танце...

- Что-что вы говорите? Отдавать душу в танце? А что это значит?

- Ну, что есть техника, а есть еще что-то...

- Нет-нет, не так, не техника и что-то, а техника и чувства вместе. Вы должны выйти на сцену, будто вам это ничего не стоит. Я начинала, когда младежь не представляла, что такое театр. Я ходила мимо Марининки, а там были такие промежуточные концерты. В холод, голод, непогоду я должна была там танцевать. Потом я училась у Вагановой, в училище, которое теперь носит ее имя.

- Ваша мама ведь тоже была балерина?

- Так счастливо сложилось, что мама, оттансцевав двадцать лет - она была хорошая танцовщица, солистка, хотя не прима, а раньше двадцать лет, и все, на пенсии, - мама была приглашена в школу, где ей дали первый класс. Я в это время я пошла в первый класс. Я проревела полгода: «Возьми меня обратно». Мама сказала: «Я не буду делать тебе замечаний, но ты должна стараться сама». Я старалась держать дисциплину. Я довольно упрямая была. Было голодно. Каши холодную в перерывах между занятиями глотала с трудом. Сейчас ем только фрукты, овощи, каши, у меня большой желудок.

- Галина Сергеевна, а можно я зайду к вам просто так?

- Зачем?

- Принесу фрукты, овощи.

- Когда?

- Да хоть сейчас.

- Я сейчас собираю бутылки, чтобы выбросить.

- Я вам помогу.

- Не надо. Я дома три года ничего не меняла после смерти Тани*. Может быть, летом начну разбирать.

- Как вы перенесли Танину смерть?

- Я очень тяжело это перенесла. Первый год была в больнице. Я знала годом раньше до ее смерти, что она неизлечима.

- А она знала?

- Она узнала это ближе к концу. Я как-то прихожу домой, а она телевизор смотрит, и я вижу - чемоданчик собрала и говорит: «Галина Сергеевна, положите меня в больницу». Я:

«Что, зачем, с какой стати?» Я играла роль как могла. Но доспала хорошее место, хорошую палату, и она только по телефону говорила со мной, запретила приходить. Ходила одна Леночка*». Мы не знаем, что происходит дальше, после смерти. Может быть, существует душа. Есть облака, но есть и еще что-то там. Во всяком случае, надо быть честными, добрыми, не делать зла.

- Галина Сергеевна, мне так хотелось бы, чтоб это слышала не только я...

- Я прячусь. Я не переношу показух. Может быть, я помогу человеку своим искусством, и все.

16 февраля 1997 года.

... Мою мать звали Мария Федоровна, отца - Сергей Николаевич. Папа - охотник, рыболов, пловец. И я хотела быть, как он. В 9 лет ходила в матроске, рыбу ловила с ним бреднем, плавала. Я привыкла к мальчишкам. А попала в интернат к девочкам - закрылась. Наступило одиночество. Была новая жизнь. Голодно, холодно, но никто не прополз червяком между другими, все думали о новой жизни и были заняты только своей профессией.

- А как мама реагировала на ваши выступления?

- Она крестила меня, сидя в

- Я прячусь. Я не переношу показух. Может быть, я помогу человеку своим искусством, и все.

зале, перед каждым сложным движением на сцене. Конечно, преступление, что я не пишу мемуаров. Была такая история, как я готовила «Красный мак» и опоздала. Стручкова показывала мой рисунок, а мне в это время подарили кимоно, и, когда я его надела, мне уже не надо было ничего показывать...

- Что еще вы не станцевали?

- Жанну д'Арк, хотя партия была готова. Цензура потребовала выбросить отношения с Богом, а для меня это было невозможно. Погодите, сейчас показывают по ТВ фильм Белинского обо мне. Перезвоните, когда закончится...

... Вы посмотрели сейчас себя молодую - с каким чувством?

- Огорчена, что старая. И еще огорчена, что в то время не было ТВ - случайно снятное кино: обидно. Вижу недостатки: есть детали чего-то, и сразу обрывается - так снято.

- У Белинского очень сильное место, когда вы показываете ему свою гимнастику - вторая позиция, «плюс», - и тут он говорит: «Дальше я не видел, я плакал».

- Ну и что?

- Он сожалеет, что живет в Питере, а не в Москве, заставил бы вас записывать ваши чудные устные рассказы.

- Я тихонечко начинаю записывать. Я бесконечно благодарна Елизавете Ивановне Тиме, Сергею Радлову, Захарову, своим учителям и постановщикам, особенно Тиме, которой обязана всей своей жизнью. Я хочу все записать, как я этому учились. Как у драматического актера есть бессловесные этюды, так у нас были этюды без движения. Это называлось драмбалет. Направление не пошло, мы вовремя остановились, но это очень много дало. Студентка в ГИТИСе сдавала экзамен, а нигде ничего не написано об этом, она спросила меня. Я ей рассказала. Она пришла сдавать экзамен, профессор спрашивал: «Откуда вы это взяли?» Она сказала: «Галина Сергеевна рассказала». - «Идите, ставьте вам пять». Мы не были куклами. Это дало толчок к внутренней жизни. Надо знать это в душе, тогда выразишь это телом. Сейчас меня интересует движение. Надо сесть на шлагбаум. Балерина плачет: не могу. А в спорте постепенно к этому подходят. И балерину надо учить постепенно. Я танцевала в «Ледяной двери»: вправо нормально сделала, влево болально. Я знаю, что это такое. Что я хотела сказать?..

- Вы хотели про Тиме.

- Да, у меня большой желудок, и я ездила в Есентеевку и там познакомилась с Тиме и ее мужем, и попросила прийти на «Бахчисарайский фонтан», а

потом сказала мне про мой танец. Она сказала: «Все мило, в первом акте красивый выход полонезом, но кто вы?» Я говорю робко, вся красавица: «Я читала Пушкина, я знаю, что она полька». А что это значит? В каждой национальности есть свой деталь. Русский и полонез на балу - разная осанка, все разное. Почему вариация скучная в первом акте - потому что Слава Захаров поставил так, чтобы все было в третьем акте, где душа. Слава сказал Асафию Мессереру: «Поставь ей на пальчиках мазурку». Но я уже сама почувствовала, что надо.

В первом акте я полька, а в третьем - я человек. Национальность уже не имела значения.

Всё время пока была жива Тима, я занималась с ней. Еще она говорила: закройтесь в большой комнате, у вас есть зеркало, не гримасничайте, repetирийте. Я боялась выйти, переступить кулису. Мне просто надо, чтобы я была одна. Выходила с опущенными глазами. Я одна: я танцую для себя, а не для публики. Тима говорила: «Откройте глаза. Посмотрите на галерку - там темно, и вы никого не увидите». Так я научилась поднимать глаза. Если бы какой-то крик публики, как сейчас принял, во время танца, это было бы, словно меня укололи иголкой. Я, кажется,

атра, которая никогда не обедала здесь, она говорила: «Я уж со своим Иваном дома». Она могла взять каких-то продуктов, когда ей предложили, и то редко. Таких людей сейчас не существует. Есть Лена, она у меня стена. Есть Инна*. Мне хочется рассказать нутро своей жизни. Милая, я скажу вам одну вещь - не обижайтесь, это не потому, что вы... Кончился спектакль в Лондоне и говорят: теперь будем снова под музыку записывать. Я начала и чувствую, что у меня пусто в душе. Я не могу танцевать свои вариации. Я подзываю Захарова и говорю: «У вас много орденов?»

- Много. И все денежные. Мне помогла та эпоха. Перед самой войной получила Государственную премию СССР. Тогда Аникушин сделал маленький памятник. Была определенная форма: по плечи или по талию, все остальное в пьедестал. Как на паспорте. Ему пришлось пойти в Ленсовет: просто формуши и руку. И сегодня это существует. Мне не нужно места на кладбище, оно уже есть. Сжечь меня и туда, под памятник.

- У вас и в Швеции есть памятник...

- Да, Елена Янсон-Манизер по памяти сделала. Маленькая статуэтка у меня дома. Она почти весь балет сделала.

- Вы, кроме Коктебеля, любите ездить на Селигер...

- Тиме открыла мне Селигер. Это озеро, которое можно увидеть только во сне. Я лет десять туда ездила. Я как-то спросила своего врача, не сумасшедшая ли я. Потому что у всех людей память о детстве, о чем-то, а я все вижу еще в цвете. Мне это помогало танцевать. Рваные декорации, а я вижу настоящие березы, ручей.

- Где сегодня вы отдыхаете?

- В Барвихе. На лодке плаваю. Июнь-июль прошли, трудно достать путевку, дали в середине августа. Почти год кружилась голова, падала. Это все Таня смерть. Мне несчастье, что я никогда не плачу. Я говорю Тане: «Что же ты плачешь?» Таня говорила: «Вы очень жесткий человек». Может быть. Ни слезинки, когда маму хорошила, папу хоронила. А тут случилось, что я сама одевала ее...

- Как сама?..

- Я знала, что придет из ее организации, где она работала, на телевидении... Когда ей делали операцию, я лежала в другой палате. Еще помню, когда она уезжала в больницу, я спросила: «Проводить тебя винз?» Она говорит: «Не надо». Меньше месяца она провела в больнице. И умерла в больнице. Звонила оттуда. Вдруг забыла номер телефона, сестры звонят, говорят, еле-еле нашли. А как можно забыть: это как дважды два - четыре. Еще был звонок: она не говорит, только тяжелое дыхание в трубку. Два раза так. Потом в шесть утра звонок медсестры: только что Татьяны Владимировны не стало. Я сейчас же - Лене. Мы приехали. Еще не убрали кровать. Я собирала вещи. Не знаю, можно ли и нужно говорить... Там все можно было сразу сделать для похорон, заказать, что надо. Тут же вымерли. Я сказала: никакой музыки мне не нужно, я же не митинг устраиваю, малый зал, полчаса. Сказали: белье нужно, платье. И я сама ее одевала. Сказала: надо

купить вуали, и чтоб не обтягивать лицо...

- Какая вы мужественная...

- Это другое. Это бессознательно. Она раньше говорила: умру когда, чтобы была белка, у меня люб некрасивый. Я смотрю - а белки нет. Я вынула гребенку, сделала белку. Пуговицу переставила, она же очень худая стала. И чтоб не обтягивала лицо, цветы сдерживали вуаль, мы протянули ее до ног. Получилось красиво, как будто живой человек лежит. Абсолютно трезво все делала. Без речей было. Просто приходили люди, подумать, постоять. Солнце вышло. Начало весны. Я раньше немножко пила, могла вина выпить, коньяку. В Новый год

СОРОКОВИНЫ ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ

Фото из журнала «ОГОНЁК»

я впервые осталась одна. Лена позвонила, но я сказала, что хочу быть одна. Поставила два стаканчика. Она любила шампанское. Открыла бутылку. Взяла в рот - чувствую, что сейчас выташит. Пощла - и так и случилось. С тех пор не могу взять в рот. Иногда говорят: вам надо, для желудка, я сейчас же кипяченой водой запиваю.

- Спасибо, Галина Сергеевна, что вы со мной говорите. Можно, я вам еще позвоню?

- Хорошо, милая.

25 февраля.

Ольга КУЧКИНА.

* Таня Агафонова, Лена Брускова, Инна Руденко - сотрудники «Комсомольской правды», бывшие и настоящие.

Я была, как мальчик. Я хотела быть моряком. Я не хотела учиться балету.